

Александр Дюма в селе Елпатьеве

Передо мной тоненькое архивное дело, объёмом всего в шестнадцать рукописных листов. На обложке надписи: «Хранить всегда», «Его императорского величества собственной канцелярии Отделение III». То самое — третье отделение! И я с любопытством листаю «Дело № 125».

Вторую сотню лет читаются романы Александра Дюма-отца. Сменились поколения, а Эдмон Дантес, мушкетёры и другие его герои продолжают интересовать нас, заставляют переживать вместе с ними их радости и печали, волноваться за их судьбу, восторгаться их подвигами.

Между тем мало найдётся владимирцев, которые бы знали, что знаменитый французский романист не только бывал, но и некоторое время жил на их земле.

Общеизвестно путешествие Дюма по России в 1858—1859 годах. О нём неутомимый автор написал семь томов дорожных впечатлений под названием «В России» и «Кавказ», публикуя их первоначально в своём журнале «Монте-Кристо» — символе величайшей писательской удачи Дюма.

Но в момент своей самой высокой славы Дюма не решился съездить в Россию. В 1845—1855 годах ещё свежо было впечатление от сокрушительного памфлета маркиза де-Кюстрина «Россия в 1839 году», вызвавшего гнев и злобу Николая I, которому эта книга доставили много неприятных минут. Кюстрин глубоко и верно показал мрачную действительность императорской России, зловещую фигуру её самодержца. Да и сам Дюма возбудил неудовольствие царя своим романом из жизни декабристов «Учитель фехтования». Поэтому он отправился в Россию только после смерти Николая I.

Как это часто бывает в исследованиях, находки приходят случайно. Много лет тому назад мне удалось встретить древнюю старушку — А. Е. Старикову, которая когда-то была горничной владимирской помещицы Нарышкиной. У неё нашлись кое-какие вещи, принадлежавшие её бывшей барыне. В числе их были семейные альбомы с фотографиями владельцев села Елпатьева, барской усадьбы, полевых работ и пейзажами, которые снимались между 1860 и 1890 годами.

Упомянутое село Елпатьево находилось в бывшем Переславльском уезде, входившем в состав Владимирской губернии.

Фотографии позволили определить, какие именно Нарышкины владели Елпатьевым. То был камергер Д. П. Нарышкин и его жена, бывшая французская актриса Женни Фалькон. Известно, что они были парижскими друзьями Дюма. Конечно, в России писатель должен был с ними встретиться. А может, он и побывал в их имении во Владимирской губернии? Вот здесь начались уже настоящие поиски. Пришлось заглянуть в письма Дюма, недавно обнаруженные в Париже, перелистать пожелтевшие листы старых французских журналов и непереверённых на русский язык сочинений Дюма, и, наконец, раскрыть то самое «Дело № 125», которое хранится в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции в Москве. И вот что обнаружилось.

Когда Дюма приехал в Россию, восторженные приёмы, обеды и банкеты сопровождали его всюду. Ему был открыт доступ в высшее общество и дано право путешествовать по всей стране без ограничений. В эти дни он писал Нарышкиным: «Я приехал и обнимаю вас. Женни я прижимаю к своему сердцу справа, Нарышкина слева. Ваш Дюма».

Эта записка заставила углубиться в другие письма Дюма. Оказалось, что Женни была моложе Дюма на 23 года и несколько лет являлась «сердечным другом» писателя. Он её познакомил с русским «боярином» Нарышкиным, который женился на ней. Так актриса

«Французской комедии» стала владимирской помещицей и более полувека прожила на русских хлебах.

Но вернёмся к Дюма. Писатель, встретив радушие, был уверен, что узнает и изучит подлинную Россию. В №32 своего журнала «Монте-Кристо» он сообщал о намерении «увидеть жизнь русских помещиков и русских крестьян». Но такая возможность ему только казалась.

Дюма не успел оглянуться, как 18 июля 1858 года начальник 3-го отделения и шеф жандармов князь В. А. Долгоруков разослал секретные послания своим подчинённым, в которых требовал «смотреть в оба за писателем». Вот, например, какое письмо получил владимирский жандармский полковник: «Известный французский писатель А. Дюма-отец, прибыв в недавнее время из Парижа в С.-Петербург, намерен посетить и внутренние губернии. Уведомляя о сём ваше высокоблагородие, предлагаю вам во время пребывания А. Дюма в губ. г. Владимире и во Владимирской губернии приказать учредить за действиями его секретное наблюдение и о том, что замечено будет, донести мне в своё время».

Начальник 2 округа корпуса жандармов, письмом от 18 сентября, донёс шефу жандармов, что после восторженного приёма писателя (Дюма) в Москве с карнавалом и иллюминацией в саду «Эльдорадо», где была инсценирована «Ночь графа Монте-Кристо», после поездки в Бородино, «7-го сего сентября Дюма выехал из Москвы с семейством Д. П. Нарышкина, в имение его Владимирской губернии село Елпатьево, вместе с живописцем Моне, и намерен отправиться в Нижний Новгород. Владимирскому и Нижегородскому штаб-офицерам корпуса жандармов сообщено о сём для... распоряжения к секретному наблюдению за Дюма».

Тут мы попутно отметим невежество жандармов, которые спутали известного художника Моне со спутником Дюма, художником Жаном-Пьером Муане, чьи рисунки, сделанные в России, имели большой успех в Париже и все без исключения были проданы. К сожалению, пока не удалось обнаружить изображений владимирской земли, хотя часть его русских рисунков есть в Музее имени А. С. Пушкина в Москве.

Итак, Дюма отправился с Нарышкиными в их имение. Предварительно ему удалось полакомиться знаменитыми переславльскими селёдками. Он писал сыну в Париж 10 сентября: «Ты ведь знаешь, как я люблю селёдку, и поэтому не удивляйся, что я ездил в Переславль, чтобы полакомиться ею. Из Переславля — Апатино. Это имение в 30 тысяч арпанов, не стоящее того, чтобы быть обозначенным на карте России». Апатино — несомненное Елпатьево, которое Дюма неправильно транскрибировал.

В Елпатьеве писателя окружили непрерывные удовольствия: пикники, рыбная ловля на Нерли, охота. Всё это отвлекало Дюма от познания тяжёлой рабской жизни нарышкинских крепостных, живших в курных избах. Но были и специальные люди, в обязанность которых входило ограждение писателя от действительности. Об этом красноречиво рассказал жандармский полковник Сивериков на одном из листов того же «дела»: «Для удобнейшего надзора и во избежание излишнего и, может, неуместного столкновения с другими лицами или жителями, ежели и случалось, что г. Дюма бывал в другом обществе, то никогда иначе, как в сопровождении чиновника или полиции, и всё это устраивалось весьма благовидно под видом гостеприимства и оказываемого внимания».

Вот почему во втором томе своих путевых записок Дюма посвятил страницы лишь перечислениям тех удовольствий, которыми его окружил Нарышкин, и ничего не написал о владимирских крестьянах. Потом, возвратившись в Париж, он послал письмо Д. П. Нарышкину: «Какое это было прекрасное путешествие, дорогой друг! Скоро вы это узнаете, так как я отдал в типографию приказание отсылать вам первому нумера журналов...» Несколько позже Дюма снова вспомнил время, проведённое в Елпатьеве, с признательностью: «Дорогой Нарышкин! — напечатал писатель на первой странице своей новой книги „Князь Море“, — прошу вас принять посвящённый вам роман на память о царственном гостеприимстве, оказанном мне вами в России. А. Дюма».

Неусыпным жандармским надзором царское правительство показало писателю, к сожалению, не ту Россию, которая была в действительности, и не вина Дюма, что в тоннах исписанной им бумаги владимирской земле отведено лишь несколько малозначащих строк.

С. Васильев.